Восемнадцатое мая, понедельник; 2037 год; комната Элиан; 00:23.

Бледный свет полной луны пробивался сквозь узкую щель в узорчатых шторах, колышущихся под порывами ветра из приоткрытого окна. Элиан с какой-то тоской в глазах смотрела на них и нехотя составляла воедино мозаику воспоминаний прошедшего дня.

Причина, по которой она занималась чем-то подобным, крылась не только в сильной головной боли и бессоннице. Куда сильнее девочку заботило своё внутреннее состояние, а если быть точнее, то необъятное чувство печали, овладевшее её душой без остатка.

Ей хотелось заплакать и порой даже казалось, что слёзы уже навёртываются у неё на глазах. Но это было не так, из-за чего Элиан становилось ещё более тягостно и грустно. Она всем сердцем желала слёз, взывала к ним, думая, что они принесут облегчение. Вот только время неумолимо двигалось вперёд, а физического выхода печали ей найдено не было.

Потеряв всякое терпение, Элиан вынула из-под одеяла правую руку, внимательно осмотрела белоснежный бинт, нежно опустила её на уголок подушки и попыталась с силой сжать его малоподвижными пальцами. Но боль оказалась настолько неожиданно сильной, что у неё спёрло дыхание, а всё тело покрылось неприятной испариной.

Жалобно простонав, она прижала руку к груди и тяжело задышала. Однако, к своему неимоверному удивлению, девочка почувствовала, что ей стало чуточку легче. Но это был приятный самообман, который мгновение спустя полностью выветрился, оставив после себя ещё больше тоски и душераздирающей боли.

— Чёрт, чёрт, чёрт... чёрт! — стиснув зубы сказала Элиан и, ударив здоровой рукой по подушке, поспешно встала с кровати.

Учащённое сердцебиение отдавало пульсирующей болью прямо в затылок, а гуляющий по комнате сквозняк пронзил её холодом, вынудив поспешно закрыть окно и накинуть на плечи чёрную кофту с капюшоном, прямо поверх коротенькой ночной рубашки. Где-то у тёти должны быть таблетки от головной боли, но будить её ради этого ей не хотелось. В конце концов она не думала, что это хоть как-то облегчит страдания, истинный источник которых проистекал вовсе не из головы или травмированной руки. Он находился намного глубже, в тёмных кулуарах души, куда ни одно лекарство не было способно проникнуть.

Накинув на голову капюшон, Элиан вышла из комнаты и спустилась на первый этаж, почуяв приторный аромат вчерашней выпечки, которой ей пришлось давиться весь вечер, чтобы она не пропала. Ведь после устроенного Энио представления тётя закрыла булочную и пошла проведать знакомую, а когда вернулась, то до позднего вечера ни на шаг не отходила от Элиан, донимая её бесконечными вопросами и бессмысленными разговорами, которые девочка не горела желанием поддерживать. Однако продолжала наигранно мило беседовать с ней, наблюдая в окно за обезлюдевшей улицей.

— Видимо люди очень испугались аномалии… и как тут не испугаешься? — сказала тётушка на сделанное Элиан замечание по поводу опустевшего города и добавила, что, вероятней всего, всех добровольно принудительно разогнали по домам. В конце концов даже она, когда шла от тёти Марии в булочную, то не менее чем от трёх солдат услышала фразу: «Немедленно возвращайтесь домой и не подходите к окнам».

Всеобщая паника, аномалии, какие-то там люди, солдаты — всё это в последнюю очередь волновало эмоционально разбитую девочку. Единственное, что на самом деле её в тот момент беспокоило, так это куда подевалась Энио, от которой до сих пор не было ни слуху ни духу. Не то чтобы Элиан как-то сильно скучала. Нет, скорее она видела в её присутствии потенциальное спасение от раздирающей душу тоски. Ей хотелось поговорить с ней или хотя бы послушать длинные скучные речи. Но она не чувствовала её присутствия рядом с собой и прекрасно понимала, что взывать к ней бессмысленно. Энио и раньше-то не была особо отзывчивой, а после утренней ссоры и подавно надеяться не на что.

Сменив тапочки на чёрные резиновые сапожки, Элиан встала за скудно освещённую кассу и оглядела укутанное тьмой помещение булочной, в надежде, что где-то в тени притаилась её темноглазая частичка. Но, естественно, Энио нигде не было. Она смотрела на чёрные контуры высоких стульев у стойки и оконную сетку, сквозь которую пробивался свет уличного фонаря. Он навёл её на мысли о Эльке. О доброй, отзывчивой, невинной Эльке, которая не только стала для неё первой настоящей подругой, но и помогла ей выбраться из пучины депрессии. Ведь пока одноклассники сторонились маленькой молчаливой затворницы — она всеми силами пыталась с ней подружиться и даже не обижалась на грубость, которая между делом в её адрес проскакивала.

В то время Элиан искренне не понимала, что нужно первой красавице в классе от такой как она. Поэтому все попытки завести разговор воспринимала в штыки и отмалчивалась, ещё больше раззадоривая Эльке, которая всей душой хотела помочь несчастного вида девчонке, обладательнице очень красивых глаз. И помощь эта должна была оказаться взаимной.

Переломный момент в их отношениях пришёлся на зимний вечер первого года обучения, когда задержавшаяся после занятий Элиан, гуляя по тёмным коридорам, забрела в старый корпус школы и услышала тихую, неуверенную игру на пианино, доносившуюся из музыкального класса, в котором с самого конца войны не проводилось занятий. И эта лёгкая, будто парящая высоко в облаках мелодия, настолько сильно тронула Элиан, что она не удержалась и украдкой заглянула в кабинет.

В сумраке класса, за подсвеченным всего одной настольной лампой пианино, сидела русоволосая девочка с изящной осанкой, которую она сначала не узнала, и сама не ведая чего испугалась. Но, присмотревшись внимательней, Элиан разглядела в ней свою популярную одноклассницу, имя которой так и не смогла запомнить.

Пристально наблюдая за профилем Эльке, она искренне поражалась её мастерством. Хотя в действительности девочка часто сбивалась, путалась и начинала всё заново. Но Элиан была настолько тронута прекрасной мелодией, что у неё на глазах даже навернулись слёзы и ей захотелось узнать название исполняемого девочкой произведения. Вот только просто зайти и спросить она не решилась. Поэтому продолжила тайком наслаждаться неуверенной игрой

Эльке, сидящей на фоне большого окна, сквозь защитную сетку которого струился оранжевый свет фонаря.

У Элиан в голове не укладывалось, почему настолько популярная и постоянно окружённая сверстниками девчонка, вдруг оказалась в этой комнате совершенно одна. Но сильнее всего она была поражена её тоскливым взглядом и лишённым эмоций лицом, которое больше не скрывалось за маской всеобщей любимицы.

Заметив столь резкие перемены, Элиан поняла, что она вовсе не ветряная девчонка, которая дни напролёт проводит в компании своих многочисленных друзей, тратя время на глупые игры. Однако как-то более детально это осмыслить девочка не смогла, так как мелодия резко утихла, и она поймала на себе её взгляд.

После секундной задержки, Элиан побежала прочь, но, заслышав просьбу остановиться, послушно замерла и прислушалась к звуку приближающихся шагов. Её сердце в тот момент было готово выпрыгнуть из груди и только желание ещё хотя бы раз услышать полюбившуюся мелодию в исполнении Эльке удерживало девочку на месте.

Положив руку на спину Элиан, она улыбнулась и предложила ей послушать фортепьянный концерт, но не в её никудышном исполнении, а записанный на пластинку. Однако девочка отрицательно замотала головой, сильно расстроив Эльке, и попросила ещё раз сыграть для неё мелодию, которую она только что исполняла.

— Понравилось?! Это была Ария Баха из оркестровой сюиты номер три! — радостно сказала она, когда приобняла Элиан и повела её в музыкальный класс. — Знаешь, а приходи в субботу ко мне? Я хочу, чтобы ты услышала её в оркестровом исполнении! У меня дома есть виниловый проигрыватель и большая коллекция пластинок. Моя мамочка раньше была известной пианисткой и очень любит классическую музыку. Так что ты обязательно должна зайти к нам. Послушаем Вивальди, Моцарта, а если тебе нравится именно пианино, то у нас есть фортепьянные концерты Рахманинова и много чего другого! Ну что, придёшь?

Элиан отрицательно замотала головой и на её лице отразился ужас, поэтому Эльке не расстроилась, а, наоборот, рассмеялась. Ведь янтарные глаза не таили в себе страха, а излучали заинтересованность. В конце концов мало у кого в городе есть рабочий виниловый проигрыватель, а что уж говорить про коллекцию классической музыки.

До самого вечера девочки просидели за пианино, а когда пришла пора идти домой, то сильно удивились, что они, оказывается, живут всего в нескольких кварталах друг от друга. Поэтому уже со следующего утра новоиспечённые подруги начали ходить в школу вместе. И эта традиция продолжается по сей день.

С того дня прошло уже около пяти лет, за которые много чего изменилось. Эльке стала ещё более красивой и виртуозной пианисткой, а Элиан… Элиан тяжело вздохнула, отвернулась от окна и подошла к раковине, чтобы налить стакан воды. Теперь все её мысли были посвящены дорогой подруге, которой так ей сейчас не хватает. Она была готова поклясться, что окажись

она рядом с ней, как ей тут же стало бы легче. Но Эльке придёт сюда только утром, и то если не отменят занятия в школе. А это значит, что она снова осталась одна. Совершенно одна в этом небольшом, окружённом каменной стеной городе, где, казалось бы, должно быть очень тесно и людно. Однако, даже будучи в середине толпы, Элиан всё равно оставалась одна. Она словно солнце, которое в суете дня никто не замечает, пока не настала жара или пока оно не скрылось за тучами. Но это её нисколечко не печалило, а скорее радовало. Ведь хотя и прошло столько лет, а причинённая ей людьми боль ещё не забыта.

Выпив залпом пол стакана воды, Элиан вновь повернулась в направлении стойки и от неожиданности вздрогнула, когда увидела сидящую за ней тень.

— Эй, это ты? — шёпотом сказала она и хотела что-то добавить, но вместо этого подошла к холодильнику, желая пожевать хоть что-нибудь, помимо опостылевших булочек.

Оторвав при помощи колена и здоровой руки несколько капустных листов, Элиан направилась к стойке и уселась по соседству с Энио, которая, не отрываясь, смотрела в окно и делала вид, что её рядом нет.

— Эй, — сказала Элиан и принялась хрустеть капустой. — Ты почему такая хмурая? Всё же та девочка умерла?.. Печально, но ты хотя бы попыталась. Так что не вини себя… во всём виновато мироздание.

Элиан прыснула и звонко рассмеялась, но тут же уткнулась лицом в рукав кофты, чтобы ненароком не разбудить тётушку.

— Прости, мне действительно очень жаль, но ты знала, на что шла.

— С ней всё в порядке, — обиженно пробубнила Энио и положила подбородок на стол.

— Чего дуешься тогда? Это я должна обижаться… ты, скорее всего, померла бы, если почувствовала, насколько мне сейчас плохо. А всё из-за тебя, твоих выкрутасов. Весь город на уши поставила, совершенно не задумываясь о последствиях, эгоистка.

Энио ничего не ответила, а Элиан снова отхлебнула воды и продолжила грызть капусту.

— Так ты спасла её или нет?

— Спасла.

— Ну, я рада… не зря мучаюсь. Но рука… вечером вроде ничего было, а сейчас средний палец уже не сгибается. Завтра, или нет, уже сегодня к школьной медсестре схожу, пускай посмотрит.

— Так тебе и надо. Сама виновата.

— Виновата?! — Элиан рассмеялась. — Это всё мироздание! Это оно вынудило меня по дверце шкафа шарахнуть. А если серьёзно, то мы обе виноваты. Тебе не стоило нести всякую чушь, а мне слишком бурно на неё реагировать. Так что прости меня, я больше не буду так себя вести, наверно.

Энио издала звук, похожий на кашель и от всей души рассмеялась, вызвав на лице Элиан широкую счастливую улыбку. Она и не заметила, что ей сразу же стало легче и то мерзкое, давящее изнутри чувство исчезло.

— Ты тоже извини, — по-прежнему смеясь, сказала Энио и, вскочив со стула, обняла Элиан. — Прости меня.

— Ну, даже и не знаю... Я из-за тебя весь вечер булками давилась. Так что учти, если я растолстею, то это тебе придётся приводить меня в норму. Будешь каждый день бегать до маяка и обратно.

— Как будто тебе не всё равно, как ты выглядишь.

— Нет, не всё равно. Я решила стать красивой, как Эльке. Ты же постоянно меня обвиняешь в неряшливости. Так вот, теперь я буду жить так, чтобы ты мной гордилась. Не буду больше сидеть дома и без конца работать, а займусь... Как ты там говорила, когда я тому мальчику отказала? Что-то там про совокупность маленьких повседневных событий, которая называется жизнью и прочая чепуха... Так вот, теперь я не пропущу ни одного такого события и начну жить! Веришь мне?

— Нет!

Элиан улыбнулась, откусила от капустного листа и проводила взглядом четверых рогатых солдат, пробежавших по улице.

— И я не верю, но попробую. Например, схожу на свидание... с тобой, на море. Хочу позагорать и стать единственной загорелой девушкой в городе!

— Да... — сказала Энио и искоса взглянула на Элиан. — С тобой точно что-то не так. Это, видимо, всё последствия того сотрясения.

— Как грубо! — радостно сказала она и, ощупав небольшой бледный шрамик на лбу, продолжила: — Знаешь, что самое странное во всём этом? Я столько всего пережила за свою жизнь, но тот случай с камнем был первым, который закончился травмой. До этого я никогда серьёзно не ранилась. Могла ушибить коленку или порезаться, но чтобы пальцы не сгибались или тошнило из-за удара по голове... А ведь с самого моего рождения вокруг меня постоянно

гибли люди, была война... Но конкретно меня никто никогда не ранил, даже пальцем не тронул, — Элиан доела капусту, осушила стакан воды и продолжила: — Кстати, что насчёт нашей любительницы ежей? Ты говорила о ней с кем-нибудь из Сопротивления?

— Да, они о ней уже знали и пообещали помочь.

— Обещали помочь… — задумчиво сказала Элиан и услышала гул вертолётных лопастей, на котором не стала надолго заострять внимание. — Айночка, наверное, вне себя от радости, а я пошла спать. Спокойной ночи!

Рыжеволосая девочка ускакала наверх, оставив свою дорогую частичку сидеть в одиночестве. Но Энио была не против, так как из её глаз тут же заструился чёрный дым, и она внимательно всмотрелась в окно, на ещё одну группу солдат, которая бежала в том же направлении, что и предыдущая.

В этот самый момент на другом конце жилой зоны, в большом, но ветхом многоквартирном доме, послышался топот солдатских ботинок и тихие указания к действию.

— Не стрелять, силу не применять, открытой агрессии не проявлять… Поняли меня? — сказала офицер в кожаном плаще пятерым солдатам в рогатых шлемах, матовые стёкла которых светились красной линией пульса.

Ответа не последовало, да офицер и не ждал его. Он не решался провернуть ключ в замочной скважине совершенно по другой причине. И хотя ему не было страшно, но дурное предчувствие, преследовавшее мужчину с самого утра, умоляло его этого не делать. Однако приказ есть приказ, поэтому он сделал два оборота ключа, заглянул в тёмную комнату и увидел худощавую тень у окна, которая едва ли могла принадлежать миниатюрной девчонке.

— Не двигаться! — сказал офицер и шагнул за порог. Сразу за ним в комнату вошли солдаты и встали позади него, держа наготове винтовки.

Потерев глаза, мужчина внимательно всмотрелся в направлении окна и, к своему удивлению, никого не увидел. Человеческая тень, которая ещё секунду назад загораживала собой льющийся из окна свет исчезла, принеся толику облегчения взволнованному офицеру. Однако в действительности она ещё была в комнате, но переместилась за спину солдат и начала хаотично подёргиваться.

Переведя взгляд на не застеленную кровать, он увидел контуры красного платья и подумал, что девочка спит. Но куда делась тень он так и не понял, посчитав, что ему просто привиделось.

— Молот, старший лейтенант Макс Хансен, — сказал офицер и заметил слабое движение на кровати. — Диана Вебер, мы прибыли сюда для того, чтобы конвоировать тебя в штаб. Оттуда ты будешь переправлена в сто первый для переквалификации и дальнейшего обучения.

Причины этого решения разглашению не подлежат .

Диана свесила с кровати ноги, схватила плюшевого ежа и, выйдя на середину комнаты, сказала:

— Не хочу.

— Боюсь, это приказ.

— Не хочу.

— К сожалению… — сказал офицер и сделал шаг назад, когда заметил, что её некогда голубые глаза стали чёрными. Стоявшие за ним солдаты дугой окружили девочку и взяли её на прицел.

— Я хочу остаться.

— Я понимаю, но, пожалуйста, не делай глупостей. Это всего на пару дней и после небольшого обследования тебя сразу же привезут обратно. В конце концов мы беспокоимся за твоё здоровье. Ведь использование силы само по себе очень вредно, а ты же хочешь быть здоровой девочкой?

— Папа говорит, что ты лжёшь.

— Папа? — удивился мужчина и огляделся, но никого не увидел. И хотя ему было не по себе, он всё же приблизился к Диане, положил руку к ней на плечо и попытался повести её за собой, но она стояла как вкопанная. — Ну же, идём, скорей.

— Не пойду.

Офицер тяжело вздохнул и обернулся к солдатам. За спиной центрального из них стояла содрогающаяся тень, ростом со взрослого мужчину. Она медленно тянула к его голове руки, будто желая оторвать её. Однако, стоило ей только коснуться костлявыми пальцами шлема, как она тут же шагнула к нему и исчезла.

В растерянности поправив фуражку, офицер решил, что ничего страшного не произошло и это был обман зрения, вызванный способностью девочки. Однако секунду спустя красная линия пульса на шлеме этого солдата погасла, и он резко склонил голову к земле и до упора направо.

Ровно три секунды он простоял в такой неестественной позе, после чего выпрямился, опустил винтовку и навёл её на офицера только тогда, когда линия пульса снова ярко зажглась.

— Стой… чего?! — только и успел сказать он перед тем, как прогремели выстрелы.

Диана стояла в полуметре от него и едва успела отшатнуться от падавшего на неё тела. Но сделано это было неосознанно, по причине того, что ей стало очень больно ушам.

Она малюсенькими шажками пятилась назад, прикрывая уши ладонью и ежом, наблюдая, как один за другим солдаты валятся на пол. В конце концов даже стрелок упал как подкошенный, стоило только патронам в его винтовке закончиться.

Убрав руки от ушей, Диана протёрла глаз от попавшей в него капельки крови и поняла, что абсолютно ничего не слышит. В ушах стоял один только болезненный свит, от которого она попыталась избавиться тем, что принялась мотать головой. Однако это только усугубило ситуацию, и девочка едва не повалилась в лужу крови, вымазав в ней ежа.

Выпрямившись и окончательно придя в себя, Диана заметила, как в проходе показался пожилой человек, на лице которого был запечатлён неистовый ужас. Однако девочке до него не было никакого дела, и она стремглав покинула квартиру, желая бежать отсюда как можно скорее и дальше. Вот только побег не удался. Стоило ей только выйти на улицу, как её тут же ослепил яркий свет фар большого пикапа, который стоял под линией электропередач. В кузове у него располагался большой, размером с кабину металлический шар, который напоминал собой леденец на палочке.

Стоило глазам Дианы привыкнуть к яркому свету, как она разглядела семерых рогатых солдат, которых возглавлял офицер, одетый в точности также, как его погибший товарищ.

— Чёртов монстр, — прохрипел он и, приблизившись к ней, продолжил: — Включай установку!

Не прошло и пары секунд, как глазам девочки вернулся данный им от природы оттенок, а на кузове пикапа замигал красный проблесковый маячок. Рогатые солдаты в это время стояли неподвижно и наблюдали за Дианой через коллиматорные прицелы.

— Ты ответишь за это, — сказал офицер и, вынув из кобуры пистолет, прицелился в девочку. Не прошло и секунды, как солдаты позади него засуетились, но он не придал этому большого значения.

— Немедленно убери оружие! — прохрипел динамиком один из рогатых солдат, а другой в точности таким же голосом добавил: — Необходимость использования средств летального действия отсутствует. Опусти оружие!

— Пошёл к чёрту! — рассвирепел офицер. — Она убила моего друга! Дрянь!

Тяжело дыша, он ещё пару секунд смотрел в беззаботное, совершенное ничего не выражающее лицо Дианы, после чего взвёл курок. Сразу после этого послышалась серия тихих

механических щелчков — это семь винтовок рогатых солдат, были почти синхронно сняты с предохранителей.

— Последнее предупреждение. Опусти пистолет и следуй выполнению боевой задачи, — сказал один из них.

Мужчина вполоборота обернулся и увидел семь воронёных стволов, направленных ему в грудь. Однако увиденное не принудило его опустить пистолет. Он даже задумался о том, готов ли поплатиться жизнью за свою месть. Вот только времени для раздумий у него не было. И проблема заключалась даже не в рогатых солдатах, которые в любую секунду могли убить его, а в том, что лампы в ближайших фонарях лопнули, осыпавшись дождём из искр. А ещё мгновение спустя послышался оглушительный гул электрической дуги, который разнёсся по всему населённому пункту низким, резонирующим эхом.

Чисто инстинктивно офицер устремил взгляд на линию электропередач и увидел, как по ней пронёсся мощный электрический разряд, ударивший в распределительный щит на столбе, вызвав тем самым ослепительно яркий взрыв, из эпицентра которого начали вырываться искры и змеиные языки электрических дуг. Они словно в поиске пищи метались по воздуху, пока одна из них не облизнула металлический шар, расположенный в кузове пикапа. Он стойко выдержал два мощнейших удара электрической дуги, и только на третий разлетелся на куски. Но дуга на этом не остановилась и продолжила метаться по вездесущим проводам, лопая изоляцию и орошая головы солдат искрами.

Стоявшая в недоумении Диана попятилась назад, чем привлекла к себе внимание офицера. Он по-прежнему направлял на неё пистолет и, казалось, готовился выстрелить, но в следующее мгновение их разделило препятствие.

Первым, что смогла разглядеть девочка, был белоснежный капюшон чёрного плаща, вся поверхность которого была испещрена узорами белых молний. Они словно выходили из капюшона и, извиваясь, распространялись до самой земли. Правда в данный момент плащ был полностью распахнут и парил почти перпендикулярно земле, обнажая женственную спину, обтянутую чёрной рубашкой с прямым воротом, на которой были изображены две парящие белые ласточки, заключённые в круг.

Когда ноги девушки, облачённые в элегантные кожаные сапоги, коснулись земли — она сделала оборот на 360 градусов и пяткой выбила оружие из руки офицера. В этот момент плащ снова раскрылся куполом, открыв взору девочки меч с голубой рукоятью, убранный в ножны и наполовину закрытое белой банданой лицо. Видны были только брови и глаза девушки, а самое странное, что ярким голубым сиянием светился только один, правый глаз. Цвет и вообще наличие второго нельзя было разглядеть из-за столь резких движений и ярких вспышек электрических разрядов, которые до сих пор замыкали между собой провода над их головами.

Выставив одну ногу вперёд, незнакомка откинула в сторону плащ и придержала левой рукой ножны катаны, а правую положила на рукоять. Рогатые солдаты до сих пор не пришли в себя от взрыва и только офицер с ужасом в глазах смотрел на неё, потирая вывихнутое запястье.

— Ты… — сказал он и девушка надавила большим пальцем левой руки на цубу катаны, обнажив светящиеся голубым сиянием лезвие, от которого исходил монотонный, низкий гул. — Стреляй! Стреляйте в неё, убейте!

Девушка сделала резкий выпад вперёд и лезвие её меча застыло в полуметре от левого плеча мужчины, который даже не успел этого заметить, настолько её движения были молниеносны. После чего раздался винтовочный выстрел, от которого она легко уклонилась и, раскрутив над головой меч, воткнула его в землю, пристально глядя в сторону рогатых солдат.

В следующее мгновение лезвие катаны вспыхнуло с яркостью киловаттной лампы, разразившись оглушительным гулом, под который солдаты — мерцая красными линиями пульса на шлемах — замертво попадали на землю. Истошный вопль из вмонтированных в их шлемы динамиков слышался ещё несколько долгих секунд, за которые девушка, не глядя, возвратила катану в ножны и поправила маску. После чего взглянула на огромную лужу крови, натёкшую из разрубленного по диагонали торса офицера, и обернулась к Диане, которой уже и след простыл.

Сделав несколько шагов в направлении переулка, в котором предположительно скрылась Диана — она замерла, снова положила руку на рукоять катаны и внимательно всмотрелась в приближающийся из темноты улицы силуэт. Он принадлежал низенькой девочке с очень пышными, длинными волосами чёрного цвета, которые по бокам были убраны в два маленьких хвостика, а сзади свободно развивались по ветру.

Следующее, что бросилось девушке из Сопротивления в глаза, была широкая, леденящая душу улыбка надвигающейся малышки, которая оказалась ниже и, кажется, даже младше Дианы. Однако в её тёмно-зелёных глазах присутствовало нечто такое, что шло вразрез с образом невинной девочки из начальной школы.

Она была одета в тёмно-синюю складчатую юбку по колено, колготки и тоненькую кофточку с длинным рукавом, из-под которой проглядывался воротничок белой рубашки. В правой руке девочка держала чёрный кейс прямоугольной формы, а в левой прибор, похожий на устройство связи, который везде и всюду таскает с собой Филип Марлоу.

— Подожди, не убегай, — издалека сказала она на удивление хриплым, простуженным голосом.

Девушка напряглась и приготовилась к атаке. Естественно, это не прошло мимо взора девочки, которая подняла устройство связи над головой и сразу за ней, как будто из водной глади, вышли на свет два двухметровых солдата в очень громоздкой металлической броне. Они были похожи на роботов ещё больше, чем бойцы молота и отличались от них не только наличием экзоскелета и массивностью бронепластин, среди которых проглядывалось огромное количество армированных кабелей и шлангов, но также вооружением. Их винтовки были значительно бóльшего калибра и, судя по электронной оснастке, обладали куда более широкими возможностями.

Шлем каждого из них имел по своей форме что-то схожее с вороньим клювом и не только стилистически, но и по окраске был подогнан под него. А в том месте, где по идее должны быть глаза, располагались небольшие объективы видеокамер из очень прочного стекла. Девушка пристально вглядывалась в эти чёрные точки на белом металле, продумывая план своих дальнейших действий, лишь изредка поглядывая в район сердца этих чудовищ. У каждого из них там находился пульсирующий и не очень яркий, но броский источник жёлтого света, напоминающий солнечный диск. И это был не просто декоративный проблесковый маячок, но и одновременно эмблема организации, к которой они относились.

— Почему ты помогла охотнику? — сказала девочка, но ответа не последовало. Тогда она посмотрела в экран своего устройства связи, сильно раскашлялась и после короткой паузы продолжила: — Денки, первый ранг, двести девятый… И что ты собираешься делать? Ты же не убьёшь меня?

Глаз девушки лишился сияния, она убрала руку с рукояти катаны и, ничего не говоря, ушла в переулок, оставив девочку наедине со своими громоздкими воинами, которые мгновение спустя снова скрыли своё присутствие по схожей с Алисой технике.

— Божечки, чуть не влипла, — шёпотом сказала девочка и рассмеялась. — Нужно предупредить остальных и отложить операцию.

В этот самый момент, в пятистах метрах от этого места, Алиса гналась за босоногой девицей в красном платье. Её забрызганное кровью лицо абсолютно ничего кроме усталости и румянца не выражало.

— Погоди, стой, не бойся! — задыхаясь сказала девушка в звёздном плаще и безуспешно попыталась схватить Диану за руку. — Я спрячу тебя, постой. Тут очень…

Насколько бы сильно она не умоляла её остановиться, но Диана продолжала бежать, пока не завернула за угол и не наткнулась на двоих громил в вороньих шлемах, в ногах которых лежало три трупа рогатых солдат. Они сразу же направили на них свои громоздкие винтовки, и Алиса подумала, что это конец. Она даже от ужаса закрыла глаза и машинально забежала за стену, а когда спустя несколько секунд кромешной тишины выглянула из-за неё, то ни солдат, ни Дианы не обнаружила. Они словно сквозь землю провалились и ей на мгновение показалось, что это была галлюцинация, вызванная способностью девочки. Однако забрызганные кровью тела солдат по-прежнему лежали на брусчатке.

«Что же я наделала?» — подумала про себя Алиса, решив, что Диану похитили и взвизгнула, когда почувствовала чью-то увесистую руку на своём плече.

— Не кричи, — шёпотом сказала девушка с белой банданой на лице. — Где она?

— Не знаю, — виновато сказала Алиса. — Я бежала за ней, но она не видела меня или… делала вид, что не видит. А потом мы наткнулись на каких-то громадных солдат и… Я не знаю! Они все пропали!

— Успокойся, возвращайся в пансион, а я её поищу. И пока никому не рассказывай, что здесь произошло. Хорошо?

Алиса жалобно промычала своё согласие, и расстроенная поплелась домой, наткнувшись по пути на Марса, который как огненный змей пронёсся мимо неё, перепугав до смерти. Девушке даже показалось, что температура воздуха по ходу его движения выросла на несколько градусов. Однако она испугалась не конкретно его, а того, что грядёт нечто страшное. Ведь ей было прекрасно известно, что Сопротивление не на шутку наращивает силы. И про секретное собрание она была в курсе, услышав о нём от излишне болтливой Кёко, которая до сих пор так и не пришла в сознание.

Пока безуспешно пытающаяся заснуть Элиан ворочалась в постели, Энио по-прежнему сидела за стойкой и, уперев кулачок в подбородок, наблюдала за творившемся в городе безумием. Делала она это при помощи напуганных до смерти горожан, которые, проснувшись среди ночи от звуков стрельбы и вертолётного грохота, начали с опаской выглядывать в окна. Поэтому далеко не сразу заметила, как в дверь булочной начал ломиться забрызганный кровью ребёнок в красном платье.

— Что за?! — выкрикнула Энио и при помощи силы открыла замок. Однако она удивилась не только столь неожиданному гостю, но и тому, что её некогда запечатанный силой рассудок оказался для неё частично открыт.

Открыв дверь, Диана споткнулась о порог и повалилась на пол, прогремев на весь дом. Но Элиан уже была в курсе её появления и поспешно спускалась на первый этаж.

— Закрой дверь! — сказала она Энио и подняла Диану с пола. — Ты ранена? Где болит?

— Голова...

Элиан принялась очень аккуратно ощупывать её голову, рассмешив Энио, которая, закрыв силой дверь, встала над ними и сказала:

— Они нарушили её связь каким-то устройством, из-за чего она лишись силы и эта головная боль, скорее всего, прямое тому следствие. Так что не переживай, с ней всё будет хорошо.

«Лишилась силы?» — повторила про себя Элиан и посмотрела в голубые глаза девочки.

— Да и это почти наверняка временно. Но она настолько ослабла, что я даже смогла покопаться в её чудесной головке. И, как выяснилось, ей вовсе никто не промывал мозги, — Энио от всей души рассмеялась. — Точнее пытались, но, кто же мог подумать, что малютка окажется сильнее всех чудо устройств и сама промоет всем мозги. Правда это не отменяет того факта, что она чокнутая. Хотя, это смотря под каким углом посмотреть. Ведь она всего лишь завела себе воображаемого друга, а точнее чудовище и до безумия любит своего отца, отказываясь поверить, что его больше нет. И знаешь что? Твоя Мышка абсолютно права. Её

отец до сих пор жив.

Сердце Элиан сковала боль, а из глаз тут же хлынули столь желанные слёзы.

— Мышка, — простонала она и обняла девочку, которая, заслышав это прозвище, тут же расплакалась.

Энио с самодовольной улыбкой смотрела на них, пока где-то вдали не послышались выстрелы.

— Уйдите от окна, — сказала она и из её глаз вновь заструился чёрный дым. — Отмой бедняжку, спрячь у себя в комнате и никому не показывай. Эти недоумки из Сопротивления вообще ни на что не способны. Обещали помочь и что в итоге?

— Идём, — сквозь рыдания сказала Элиан и повела Диану в ванную.

— Постарайся не уснуть, — сказала ей вслед Энио. — Хотя бы ещё пару часиков потерпи.

«Хорошо, спасибо», — мысленно проговорила про себя Элиан и крепче обняла свою самую первую настоящую подругу.

http://tl.rulate.ru/book/35291/1010517